

МАЙКЛ ИННЕС

Майкл Иннес (настоящее имя – Джон Иннес Макинтош Стюарт, 1906–1994) – известный английский писатель и литературовед. Его перу принадлежат монографии о У. Шекспире, Р. Киплинге и Т. Харди. Однако международную известность ему принесли именно интеллектуальные детективы, которые он публиковал под псевдонимом Майкл Иннес. Так, его романы «Смерть в апартаментах ректора» и «Гамлет, отомсти!» вошли в антологию Хорхе Луиса Борхеса «Седьмой круг». Всего Майкл Иннес написал около 50 детективов.

МАЙКЛ
ИННЕС

ПАНИХИДА
ПО СОЗДАТЕЛЮ

ОСТАНОВИТЕ
ПЕЧАТЬ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44
И66

Серия «Золотой век английского детектива»

Michael Innes
LAMENT FOR A MAKER
STOP PRESS

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Иннес, Майкл.

И66 Панихида по создателю. Остановите печать! : [сборник] / Майкл Иннес ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 768 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-085972-6

Шотландский землевладелец Рэналд Гатри погибает при невыясненных обстоятельствах, упав с башни своего старинного замка. Возможно, это было самоубийство, однако полиция уверена: Рэналда убил возлюбленный его приемной дочери, чтобы тот не смог помешать их неравному браку. Но прибывший на место преступления инспектор Джон Эплби считает, что причина случившегося кроется в загадочной смерти брата-близнеца Рэналда в Австралии...

Популярный автор криминальных романов Ричард Элиот напуган: его любимый персонаж, король преступного мира по прозвищу Паук, ожил в самом буквальном смысле слова. Некто, называющий себя его именем, не только совершает одно дерзкое ограбление за другим, но и начинает настоящую травлю Элиота и его семьи. Кто же он? Сумасшедший фанат или завистливый коллега писателя? И главное, откуда он знает детали даже тех романов, которые еще не были опубликованы?

Сэр Джон Эплби начинает расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085972-6

© Michael Innes Literary Management Ltd, 1938, 1939
© Перевод. И.Л. Моничев, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Все персонажи этой книги
являются вымышленными
и не имеют никакого отношения
к реально существующим людям.*

ПАНИХИДА
ПО СОЗДАТЕЛЮ

Часть I

РАССКАЗ ЭВАНА БЕЛЛА

1

Как станет очевидно из нижеследующего повествования, мистер Уэддерберн, стряпчий из Эдинбурга, настолько же хитер, насколько благороден — и чтобы выжить и заработать себе на хлеб насущный в среде юристов, ему воистину требуется все коварство, позаимствованное, как принято считать, Евой у Змея. Ловок он, ничего не скажешь. И вот вам первое тому подтверждение: я — Эван Белл, простой башмачник из Кинкейга* взялся за перо для сочинительства, а все потому, что мистер Уэддерберн сумел найти ко мне правильный подход.

Вот как это случилось.

Мы вдвоем сидели в отдельном кабинете «Герба» за стаканами пунша, который пили исключительно ради здоровья. Потому как, поверьте на слово, именно в те дни валило столько снега, а декабрь обдувал наши края такими студенными ветрами, что мне оставалось лишь радоваться согревающему пуншу и потрескиванию дров в хорошо растопленном камине. Так мы сидели, снова и снова пережевывая подробности всего этого странного дела — а такого уж точно никогда не случалось у нас прежде, — и мистер Уэддерберн, подняв на меня взгляд, сказал:

— Мистер Белл, мне все это напоминает сюжет романа как ничто другое.

— В самом деле, мистер Уэддерберн, — ответил я. — Ваша правда. Мне кажется, что от начала до конца в таком деле не могло обойтись без козней дьявола.

---

* Действие романа происходит в Шотландии в середине 30-х гг. XX в. — *Здесь и далее примеч. пер.*

10 Он улыбнулся своей обычной лукавой улыбкой. А улыбается он так, что порой мнится: он уловил шутку там, где другие не увидели бы ничего забавного. Но потом посмотрел очень серьезно мне прямо в глаза и произнес:

— Полагаю, вы могли бы сочинить на этой основе необычайно хорошую книгу, мистер Белл. Почему бы вам не попробовать написать ее?

Меня его слова удивили до крайности. «В какое необычное время мы живем, — подумалось мне, — раз наш учтивый адвокат заводит такие речи с одним из старейшин церкви Кинкейга!» Игра воображения в большинстве случаев есть греховный соблазн, если только она не используется для благих целей и не сопровождается молитвой о ниспослании вдохновения свыше. И вот, представьте, передо мной сидел мистер Уэддерберн, склоняя меня, словно я прирожденный романист, написать обо всем случившемся не в целях укрепления моральных устоев общества, а только потому, что история сама просилась на бумагу!

Мистер Уэддерберн всегда отличался некоторой эксцентричностью, хотя в делах он был весьма основательным, но это его предложение поразило меня как нечто уж слишком легкомысленное. И я заявил, что не гожусь для такого занятия, поскольку по сути остаюсь простым и уже сильно постаревшим сапожником.

— Как сказать, мистер Белл, — возразил он. — Всем известно, что по своей учености в этом приходе именно обувной мастер стоит на третьем месте после священника и директора школы.

— Но о нем ходят также слухи, что он, вероятно, атеист, — сухо ответил я, — хотя не всем слухам можно верить.

И все же его слова пришлись мне по нраву. Отчасти потому, что он назвал меня «обувным мастером», на старый лад. Пусть Уилл Сондерс меняет над своей лавкой вывеску и из «мясника» превращается в «семейного поставщика мясопродуктов». Я был и останусь в Кинкейге обувных дел мастером. А еще меня приятно поразила справедливость его высказывания. Впрочем, он выразился не совсем точно. Ведь если сейчас в лице настоятеля церкви доктора Джерви мы действительно имеем ученейшего мужа, то главы нашей школы никогда прежде этим не отличались. Тем более ныне, когда на смену директорам-мужчинам стали присылать не-

надежных молодых дамочек: визг директрисы школы Кинкейга теперь перекрывает любой шум, который издают все ученики, вместе взятые. Как только уши выдерживают! И хотя мисс Стракан — так ее величают — может похвастаться дипломом Эдинбургского университета, знаний у нее маловато в сравнении с прежними директорами. Я, заметьте, даже как-то хотел поспорить, когда она заявила, что Плутарх писал книги на латыни, вот только ей удалось сразу сменить тему. Но при этом она очень довольна собой. В Эдинбурге она накропала какую-то брошюрку (у них это именуется диссертацией) под названием «Синематограф как визуальное учебное пособие» и гордилась так, словно из-под ее пера вышла «Логика» Бэйна или «Риторика» доктора Хью Блэра. Помню еще, как Роб Юл спросил, что такое «визуальное пособие», а потом, не дав ей и рта раскрыть, влез с шуткой Уилл Сондерс: «Понимаешь, это когда Сусанна показывает свои прелести старцам»*. Немного неприлично вышло, и дамочка надулась, но такой уж он по натуре, наш Уилл — грубоват, что есть, то есть.

Но из моей истории не выйдет толка, если я буду все время отвлекаться на такие анекдоты.

Честно сказать, я и сам, как любой в нашем приходе, признавал, что если кому и описывать происшедшие события, то именно мне. Не стоит ожидать этого от доктора Джерви, чья ученость направлена на исполнение значительно более важных обязанностей. И правда в том, что меня никак не назовешь малограмотным человеком, поскольку еще сорок лет назад я взял за основу руководство сэра Джона Лаббока «Сто лучших книг», изучив их все, причем сомневаюсь, чтобы хоть одна из девиц с дипломом колледжа сделала то же самое. Но тем не менее я скромно заметил мистеру Уэддерберну:

— *Ne sutor ultra crepidam.*

Так, представьте, древние римляне советовали согражданам заниматься лишь своим непосредственным делом, то есть «Всяк сверчок знай свой шесток». И не могу сказать, что эта вовремя пришедшая на память поговорка изменила мое умонастроение в лучшую сторону. Мне думалось, что те дни миновали, и ну их к черту — лучше поскорее забыть обо всем.

---

* Речь идет о ветхозаветном сюжете, вдохновившем на создание картин многих известных живописцев.

12 Но в ответ на мою скромную латынь мистер Уэддерберн и бровью не повел, а лишь продолжил наседать на меня:

— Да вы только начните, мистер Белл, а уж мы потом найдем других, которые дополнят ваш труд и изложат свою точку зрения.

— Включая и вас самих, мистер Уэддерберн, — сразу же ввернул я фразу в надежде, что так он быстрее поймет бессмысленность этой затеи.

— Разумеется, — кивнул он и сделал, между прочим, свою часть работы прекрасно.

Но обо всем по порядку.

Я все еще пребывал в глубоких сомнениях.

— Страшновато, — признался я, — братья за перо после сэра Вальтера.

— Пусть он послужит нам примером, мистер Белл. И мы попытаемся, подобно ему, сохранить анонимность. Помните, что Локхарт писал о таинственности, которой умел окружать себя Великий Рассказчик?*

Не скрою, мне польстило, что собеседник как бы заведомо знал о моем знакомстве с сочинением Локхарта «Биография сэра Вальтера Скотта». Но и при этом я бы, наверное, воздержался от участия в данном предприятии, если бы меня не сгубило тщеславие. Ибо я уже собирался сказать твердое «нет», когда, уж поверьте, совершенно случайно мне пришло на ум другое латинское слово.

— Мистер Уэддерберн, — заявил я, — мне придется взять время на *avizandum*.

К этому термину его друзья из числа судей в Эдинбурге прибегают, если не осмеливаются принять окончательное решение, не обдумав его хорошенько, и откладывают вынесение приговора на день. Он только рассмеялся в ответ, и мы договорились встретиться еще раз тем утром, когда он собирался отправиться на юг страны.

И пока он ждал автомобиля, который должен был доставить его через занесенные снегом дороги до железнодорожной станции, мне стало известно немного больше о его задумке. Он сказал, что есть у него молодой друг, не слишком удачливый писатель, сочинявший странноватые истории и

---

* Первые романы Вальтера Скотта выходили без указания имени автора, и свой секрет он раскрыл публике только в 1827 г.

нечто вроде мистерий о людях, с которыми он никогда не встречался, и о событиях, не совсем правдоподобных. И хотя происшествие с Гатри представлялось внешне вполне реальным, присутствовало в нем и нечто неестественное, а значит, как раз такой автор мог разобраться в нем лучше других. Поэтому мистер Уэддерберн решил передать ему все материалы в виде нескольких рассказов, написанных разными людьми, чтобы он обработал их по своему усмотрению: либо просто отредактировал, либо создал на их основе самостоятельное произведение. При этом ему будет поставлено жесткое условие (совершенно, на мой взгляд, необходимое) непременно изменить как наши имена, так и не ссылаться на Кинкейг, чтобы не добавлять нашему городку дурной славы, которой и без того предостаточно.

Что ж, теперь план показался мне вполне благонамеренным и даже способным извлечь хотя бы немного добра и пользы из злого дела. Короче говоря, я дал мистеру Уэддерберну обещание. И ниже приступаю к отчету о событиях, повлекших за собой смерть Рэналда Гатри. Начну я, следуя совету всем известного поэта Горация *in medias res**, а потом вернусь к более раннему периоду. Но ежели молодой друг мистера Уэддерберна из Эдинбурга не согласен с Горацием, пусть сам расставит все по местам.

2

Когда из долины Эркани пришло известие, что Рэналд Гатри покончил со своей безбожной жизнью, в Кинкейге оно мало кого опечалило. Человек благородных кровей, он долгие годы считался неотесанным грубияном и с незапамятных времен жил одиноко, как ворон. Наш предыдущий священник привык величать его «отшельником». И все помнили тот случай, произошедший много лет назад, когда сей служитель церкви отправился в долину, чтобы навестить Гатри и попросить пожертвовать денег на благотворительность. Одни говорили, будто бы Гатри, решив, что священник явился распекать его за вечно пустую скамью, принадлежавшую ему в церкви, выстрелил в гостя из ржавого охотничьего ружья. Другие утверждали, что он спустил

---

* С сути дела (*лат.*).

14 на святого отца свору собак, а третьи были уверены, что священника атаквали тамошние крысы, а они, доложу я вам, в Эркани невиданных размеров, и слухи о них распространились далеко за пределы наших краев. Но что бы там ни было — ружье, собаки или крысы, — а над священником потешался весь Кинкейг, потому как предшественника доктора Джерви наш народ не больно-то жаловал. Но если священника недолюбливали, то Рэналда Гатри просто ненавидели. Хотя, казалось бы, странно: святой отец вечно таскался по домам, кричал у порога: «Есть тут кто живой?» — и входил без разрешения, ожидая, что ему нальют стаканчик, а Гатри держался особняком и никому не досаждал. И все же ненавидели само его имя, таким он был мерзопакостным человеком.

Никто во всей округе не мог с ним сравниться в неприглядных делах, а ведь у нас хватало и других не слишком-то достойных сограждан. Тот же Роб Юл, собирающий тучный урожай с прекрасных полей вдоль Дрохета, у которого денежек водится побольше, чем у многих, отличается редкостной скаредностью. Везет, допустим, телега его муку с мельницы. Так он непременно идет сзади, покрикивает на возницу, чтобы был осторожнее, а если самая малая толика муки просыплется на землю, так у него всегда с собой совок бакалейщика, чтобы собрать все вместе с грязью. Или взять, к примеру, Фэйрбайрна из Гленлиппета, чью жену так скрутил ревматизм, что она превратилась в инвалида. Но будучи женщиной религиозной и неременной участницей всех церковных хлопот, она купила мужу машину, чтобы тот всегда мог отвезти ее в «Доркас»* или еще куда по разным надобностям. И конечно, Фэйрбайрн с радостью добыл себе шоферские права всего за четвертак — ведь он на десять лет моложе супруги и питает определенные надежды на будущее. Но ни Роб Юл, ни Фэйрбайрн и близко не стояли по своей зловредности с Рэналдом Гатри, занимавшим такое же место среди аристократии, какое Роб — среди простонародья, хотя сам был когда-то, как о нем судачили, человеком большой учености. Среди всех обитателей окрестных долин об одном Рэналде Гатри вы могли с полным основанием сказать, что он такой же пакостник,

---

* Женское благотворительное общество.

какими бывают только англичане. От него пострадал в Кинкейге почти каждый, потому как ему принадлежала земля на многие мили в округе, а его управляющий, гнусное существо по фамилии Хардкасл, с радостью давил и притеснял арендаторов, для чего и был нанят на службу. И когда пришла новость, что Гатри сам лишил себя жизни, многие не скрывали радости, а горевавших можно было по пальцам пересчитать. Те, которые радовались, несомненно, надеялись, что следующий землевладелец окажется лучше прежнего. А те, кто огорчился — люди, наделенные искрой воображения, — сожалели на самом деле лишь о том, что Гатри не забрал с собой своего гаденыша Хардкасла, чтобы тот продолжал давить и притеснять от его имени и дальше, но только в том месте, которое уж точно было уготовано хозяину среди проклятых душ в преисподней. Но Хардкасл оставался жив и здоров, словно только что родился из поганого чрева своей мамы, а в глазах у него светился огонь, который, как отметил наш полисмен Лори, говорил, что он не только спокойно переживет эту трагедию, но еще и нагреет на ней руки. Вот почему, стоило пройти слуху, будто со смертью Гатри не все чисто и сам шериф приедет в Кинкейг, чтобы разобраться и установить истину, как у нас сразу же кое-кто начал предсказывать: болтаться, мол, скоро Хардкаслу на виселице, не иначе. А когда странностей стало больше, и пустили сплетню о том, что случилось с трупом, все кому не лень стали предсказывать виселицу молодому Нейлу Линдсею, хотя многие в приходе по-прежнему считали и это делом рук Хардкасла. Старик Спейрз, начальник станции, которого в шутку звали Великим Мыслителем, поскольку он читал английские газеты, не уставал твердить, что Хардкасл точно причастен к смерти хозяина и попадет под подозрение как пить дать. Старина Спейрз набрался знаний из уголовного кодекса с тех пор, как начал получать для доктора Джерви сочинения Эдгара Уоллеса*, и каждый вечер в «Гербе» разглагольствовал перед толпой выпивох, а те слушали его рассказы как мудрые изречения Соломона. Впрочем, я снова теряю нить повествования.

---

* Английский писатель и сценарист, считающийся основоположником жанра криминального триллера (1875—1932).